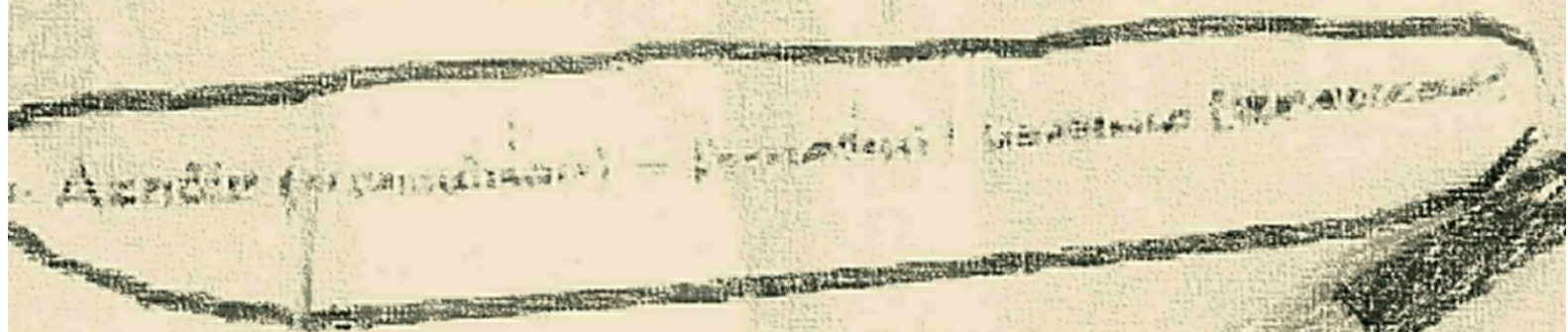
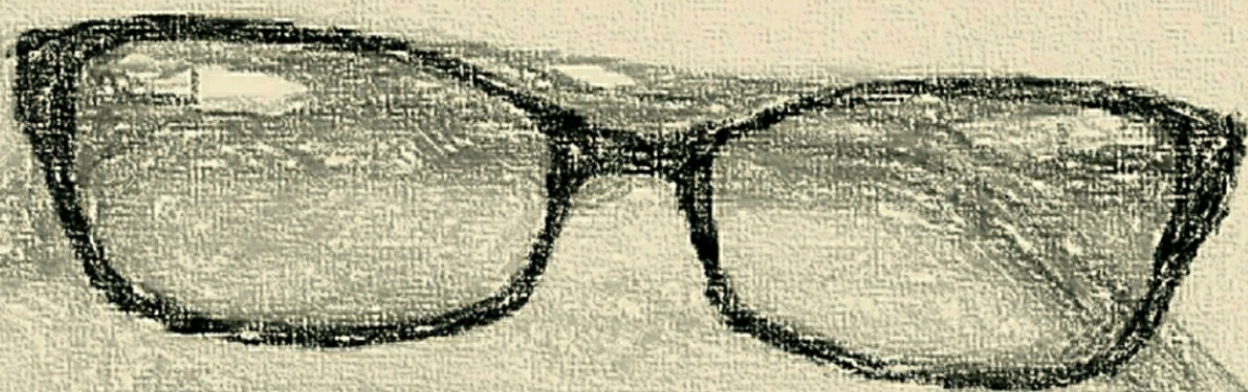

Марта Сортанова

Было восемь...

Записки ищущей агамистки

16+

Марта Сортанова
Записки ищущей агамистки

«Автор»

2017

Сортанова М.

Записки ищущей агамистки / М. Сортанова — «Автор», 2017

«Записки ищущей агамистки*(агамистка - холостячка)» - шестая история из восьми повествований, где главная героиня Анна, молодая журналистка местной газеты, страдает от неразделенной любви. Пытаясь добиться взаимности, она попадает в аварию. После операции Анна в повторяющихся галлюцинациях видит одного и того же человека из прошлого, пытающего сказать ей нечто важное. Старец в чёрном втягивает её в круговорот прошлого, вовлекая в поиски креста из металла, прилетевшего из космоса, который наделяет человека сверхспособностями. Заинтересовавшись находкой, Анна вместе с подругой отправляется на поиски сокровища в подземный лаз...

© Сортанова М., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Марта Сорганова

Записки ищущей агамистки

Если принц на белом коне проскакал мимо —
значит, судьба готовит вам иной сюрприз...

Глава 1

Мужчина-мечта. Не, ну я тоже ничего...

Без пятнадцати. Следующий звонок в семь. Голова, приподнявшись, тяжёлым кулём валится на подушку. Не сейчас. Можно ещё. Ресницы смыкаются, свет гаснет – щуриться больше не надо. И вдруг небо. Огромное синее небо. Раскинув руки, парю, словно птица. Ветер в волосах. Синь в глазах. Свобода, покой, невесомость – как в аэротрубе. Одно неудобно: лечу вниз спиной, хочу перевернуться, но не могу... Похоже, не лечу, а падаю?! Полёт превращается в скоростной спуск. Секунда, две. Небо резко сменяется краем скалы. В голове пульсирующая мысль: падаю в пропасть. Тело сжимается, готовится к удару. Господи, хоть бы подомой оказалось море! Не хочу боли. Громкий крик пронзает пространство.

– Аня! Зачем? Зачем?

Вздрагиваю от крика, открываю глаза, возвращаюсь в реальность. За окном утро пятницы, рабочий день, я жива здорова, преспокойно лежу в кровати. Только в голове свербящая мысль: с четверга на пятницу сны сбываются.

– Ерунда, с какого перепугу я полезу в горы? Да и теперь точно не полезу.

Одеяло отлетает в сторону, начинается новый день.

Сегодняшнее утро выдалось динамичней обычного. С появлением нового сотрудника, офис оживился, зашевелился встревоженным муравейником. Каждый первым норвил увидеть новенького и поделиться своими наблюдениями с остальными менее расторопными собратьями. Внезапно людская суматоха прекратилась, и в офисе воцарилась тишина. Начались смотрины. Процедуру знакомства с новеньким по обыкновению взял на себя сам босс. До этого момента именно он являл собой идеал мужчины: высокий, красивый сорокашестилетний стройный брюнет, умный до жути, единственным недостатком которого являлось наличие жены, которую он боготворил, и двадцатитрёхлетней дочери Софии, которую безмерно любил, по-отечески называя Софа.

Новым сотрудником оказался молодой человек, который во время процедуры знакомства стоя в дверях, мило улыбался, переминаясь с ноги на ногу. Не говоря ни слова, он озадачивал остальных непростым вопросом: то ли он настолько застенчив, то ли напрочь лишён интеллекта. Алекс – так нам представили новенького, хотя по паспорту он был Вербиным Алексеем Германовичем, а вовсе ни каким ни Алексом. Внешне молодой человек выглядел так, словно сошёл с обложки журнала Men's Health: высок, строен, голубоглаз. Привлекательный типаж. Элегантный костюм, стильная обувь, дорогой парфюм говорили о его обеспеченности, а улыбка в тридцать два белоснежных зуба вызвала зависть не только у мужчин. Если охарактеризовать новичка двумя словами – мужчина-мечта. А если тремя – да не моя. Невыясненным оставалось одно – «мечта» воплотилась в чью-то жизнь, или пребывала «в свободном поиске»?

На календаре, стоявшем на моём рабочем столе, с изображением чёрного летящего паровоза, всё ещё пахнувшем типографской краской, сегодняшней день девятое января 1999 года был аккуратно обведён красным маркером в кружок. Близился конец века, и до Миллениума оставалось без малого двенадцать месяцев, а, судя по крикам компьютерщиков всего мира, первого января 2000 года нас ожидала мировая перезагрузка всех и вся. Два нуля в конце года рушили всю систему расчётов, потому как в программном обеспечении год представлялся двумя последними числами и переход в новое тысячелетие мог откатить нас обратно в 1900 год. Веря в искусственно созданную истерию, в этот ажиотаж втянулась и я с единственным желанием: кардинально изменить свою жизнь к этой дате и начать новый век в замужестве и в семейном счастье. Хотя всё это ещё вилами на воде писано...

Так вот, вернёмся к красному кружку, сигнализирующем о дате моего рождения. В этот зимний денёк меня угораздило родиться в тридцатый раз. В тридцатый – звучало, как контрольный в голову. Поднимало настроение лишь то, что сегодня я выглядела фантастически, а новое платье, практически вырванное из рук другой покупательницы, чудесным образом стройнило меня и украшало. Случаются же приятные совпадения. Нечто подобное сегодня произошло и со мной и как нельзя кстати.

Из-за неудачного расположения моего стола, который находился в углу и был загорожен шкафом, меня знакомили с новеньким последней. Местонахождение не позволяло привлечь к себе должного внимания, зато прекрасно скрывало от любопытных глаз. Встав и шагнув влево, я оказалась в зоне видимости. Первым шикарность моего наряда оценил шкаф, который, комплексуя, отступил, ворох бумаг на моём столе по тем же причинам съёжился, и я предстала обществу во всей красе. Платье, без сомнения, заслуживало показа и оправдывало потерянное время. В нём я чувствовала себя богиней – и это без лукавства и вранья. Нечто подобное читалось и в глазах двух стоящих в дверях мужчин. Небольшое замешательство, двухсекундная пауза, мураши в волосах, электричество по коже – и я влюбилась. Это была любовь с первого взгляда. Точно она: все остальные мужчины мира исчезли с Земли в то же мгновение.

Моя личная жизнь к настоящему времени складывалась параллельно запланированному сценарию, а если точнее, то вразрез с ним. Я прожила пять лет с женатым человеком, и шесть месяцев назад он с женой и дочкой взял и переехал в другой город, а не женился на мне, как я полагала. От любимого мне досталась однокомнатная квартира, выменянная у моих же родителей, в размере тридцати шести квадратов, для игры во взрослую жизнь и маленькая серебристая машина восьмой модели, подаренная в качестве компенсации за разбитое сердце. После случившегося мне оставалось одно: позиционировать себя свободной амазонкой, яркой, независимой, самостоятельной, но, если честно, замуж хотелось – и жуть как хотелось, а напускная независимость являлась сплошным притворством, придуманным для маломальской защиты уже порядком подрастатавшей психики. Приятным совпадением оказалось и то, что страница «семейное положение» в паспорте Алекса оказалась девственно чистой, как и моя, о чём сразу же сообщили мне девчонки.

– А если это мой шанс, – прикидывала я, настраиваясь на позитив.

Одна деталь омрачала мечты – возраст. Он был моложе меня на пять лет. Много это или мало? Казалось, много. И этот факт, крепко прописавшись в моей голове, принялся со скоростью света, доселе недостижимой никем, уменьшать вероятность познания неземной любви в реальности. Ведь тридцать лет для женщины считается концом молодости, точнее, девичества. Из девушек мы, сами того не желая, совершаем скачок в контингент молодых женщин. В двадцать девять мозг не отягощён этим, а в тридцать всё – старуха. Откуда берутся столь пессимистичные мысли в наших красивых головках? Ведь никто не нашёптывает их нам. Полагаю, передаются они одним путём – с молоком матери.

Про ощущения трансформации женского сознания, возникающие на разных этапах взросления, у нас с мамой состоялся нешуточный разговор. Меня интересовало её отношение к такому неоспоримому факту, как женское старение, с высоты шестидесятидвухлетнего возраста. Ответ получился интересным и поучительным для меня. Многое из сказанного уходило в отрицание, но в большинстве случаев казалось правдой. Так вот, в теории каждая женщина пытается убедить всех и вся, что возраст – это не страшно и что она не боится стареть. Но почти каждая непременно хочет выглядеть моложе своих лет, и если даже она не делает каких-либо основательных манипуляций со своей наружностью, то маску из сметаны пытается пристроить на лицо почти каждая.

Сейчас я изложу некоторые наблюдения мамы и пары её подруг о женском возрасте, которые, возможно, не совпадают с мнением большинства, но мне представляются не лишёнными смысла. Судите сами.

До тридцати лет женщина занимается поиском мужчины. Она раскованна (насколько может позволить себе каждая), жизнерадостна (смотри предложение в скобках выше), любопытна (ну, вы поняли принцип). Она наслаждается жизнью, своим телом, своими эмоциями. Она Ева. Возраст в это время исчисляется цифрами 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 после двойки, дни рождения радуют, искренне, по-детски ожидаются подарки.

С тридцати до сорока в основном идёт тройка на первом месте, а цифры 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 не имеют значения. Тебе тридцать, а это значит, что есть девушки гораздо моложе тебя. И тут включается новое видение, возникает необходимость формирования себя как личности, и ты включаешься в битву за карьеру (ну, вы помните, насколько может позволить себе каждая). Даже если к этому возрасту вы обзавелись парой карапузов и вас усадили устраивать быт, то, не теряя ни минуты впустую, вы поле битвы за становление своей личности переносите в стены родной квартиры и начинаете борьбу за равноправие с родственными душами.

С сорока до пятидесяти лет определяющими цифрами снова станут 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 после четвёрки. Да, уже не тридцать, но ещё не пятьдесят. Видимо, в этот период основную идею в поведение женщины вносит известная фраза из кинофильма: «В 40 лет жизнь только начинается». И она, пытаясь что-то изменить в своей жизни, в итоге получает одно – «а воз и ныне там». Новая работа? Попробовать начать с нуля, с двадцати тысяч вместе с молодыми? Опыт, конечно хорошо, только у молодых есть неоспоримое преимущество – молодость. А менять шило на мыло – создавать возню и не более того. Может, нового мужчину? Одумайся – как бы собственный не завёл себе подружку помоложе. Тело, что с тобой? Не, ну я же занимаюсь спортом. Регенерация кожи происходит дольше, а маску из сметаны нужно делать каждый день и на всё тело. Начинаешь откладывать деньги на ботокс.

С пятидесяти до шестидесяти в голове одно: скоро пенсия. Определяющим фактором снова становится пятёрка, а не цифры после неё. Хороните в себе женщину как сексуальный объект и начинаете позиционировать себя как боевую подругу. Покупка новой одежды не радует: из вас уже не получается той самой сексуальной штучки. Однотипность работы утомляет, скорость информационного потока поражает. Послать по вацапу? Что это? Хорошо хоть не переспросила: вы не слово «кацап» имели в виду? Политика? Да что вы! Мне бы пенсию вовремя. Появляются: сад, подруги, желание последний раз махнуть на море. Возникает необходимость в хобби, желание научиться хоть что-то делать своими руками, чтобы наконец куда-то их пристроить. Нет, ну кожа ведь не одежда... Почему она с каждым годом всё больше и больше разнашивается? Откуда эти складки и морщины? Птоз? Начинаешь набирать вес, чтобы заполнить изъяны. А в сметане уже спишь неделями.

С шестидесяти до семидесяти. Тут пока тайна: маме шестьдесят два, но она молодится, убеждая всех и каждого, что ей ещё далеко до шестидесяти. Да, и я ей в этом помощница – статусом бабушки никак не награжу. Краткий экскурс от моей мамочки закончен, вернёмся к началу – к моему пониманию тридцатки.

Тридцать – это определённая черта. Итог достигнутого. Кто-то имеет семью, детей, престижную работу. А я? А я профукала пять лет, пять самых активных для женщины лет с женатиком. И наконец, одумавшись и пересмотрев свои принципы, с ходу влюбилась в малолетку. Всё-таки нет предела женской глупости.

Анька, одумайся и вернись на землю. Меняй жизнь, разумом живи. Тридцатка ведь тебе уже. Соберись и сосредоточься на главном, вернее, единственном – работе. Но, не придумав ничего нового, я – по кальке маминого плана – устремилась завоёвывать своё место под солнцем. Другие варианты были. Правда, немного. Пару минут гоняла в голове мысли о братстве и секте, но дала себе шанс и выбрала работу.

Кстати, о ней.

Отдел, в котором я тружусь, состоит из четырёх человек. Мы пишем статьи в многотиражку «Уральский мегаполис». Ну, как пишем... если нет мировых сенсаций, то приукраши-

ваем уральские будни, отыскивая материал в регионе. Поэтому восьми-десятичасовой рабочий день пять-шесть дней в неделю плюс свободное время, проводимое вместе, сделали нас почти родными. Не коммуна, но делимся многим. Правда, существует пара «но»: всем, кроме мужчин, да и деньги только займы.

Знакомьтесь, мои подруги.

Светлана – тридцатилетняя блондинка. Как говорил мой бывший – «одного призыва девки». Пишет статьи об изобретениях и ноу-хау в промышленности. Она целенаправленно завышает показатели производства отечественной индустрии, надеясь этим поднять боевой дух населения. Патриотка. Её ироничные статьи являются любимой рубрикой большинства читателей нашей газеты.

Оксана, сексапильная брюнетка, ведёт рубрику «Мировая экономика». Пишет об экономических преступлениях, которые происходят в результате неконтролируемой экономии чинуш в свой карман. Её статьи частенько приводят её к разбирательствам в суде, а нередко и к личным разборкам.

Альбина, яркая шатенка. Её тематика – передовые разработки в медицине и косметологии. Косметология – это её стихия, о ней она говорит часами, а если не остановить, то и днями.

И, наконец, я, ваша покорная слуга, «активистка, комсомолка и просто красавица» – Анна. И моя фишка – природные катаклизмы и необъяснимые явления, происходящие на планете, ну и в нашем регионе. Куда без этого.

– Почему столь мужскими вопросами занимаются женщины? – спросите вы.

Ответ очевиден: наисильнейшая часть нашего коллектива, то бишь мужская, говоря их словами, взвалила на себя всю основную и грязную работу по поискам сенсационного материала. Мы же, офисные маратели бумаги, умея быстро барабанить по клавиатуре, просто тупо переносим факты на газетные листы, тем самым перетягивая одеяло славы на себя. Они по крохам собирают сенсации, мы же в комфорте, в чистоте, сытые, умытые, с лавром в волосах, сидим на заднице и ничего не делаем, лишь расставляем запятыя в нужных местах. Вы бы видели ту бредятину, которую они присылают нам! Мало что поменялось с древних времён: добыча мамонта так и осталась прерогативой мужчины, а его приготовление – привилегией женщины. Но плюсы в нашей работе тоже имелись: мы – приятная находка в любой компании. Никто, кроме нас, не знает такого количества свежих новостей. Соперничать с нами могли бы телевизионщики, но и они – штучный товар на больших вечеринках. Думаю, по этой причине я ещё не была замужем: меня просто боялись мужчины, ведь о наводнении в Гватемале я могла трещать часами, тогда как мой избранник с трудом сооружал пару предложений о том, как провёл несколько часов свободного времени и что хотел бы съесть на ужин. Человек с полётом мысли, с юмором, с креативом в голове мог бы заинтересовать меня, но такого человека никак не находилось рядом. Или я не там искала.

В связи с занятостью остальных мне поручили в течение всей следующей недели вводить Алекса в специфику нашей работы. Тяжёлым трудом это нельзя назвать: Алекс был лёгок в общении, искренен, внимателен, на лету схватывал тонкости работы. Если без врак, я наслаждалась общением.

Однажды спросив его, почему он не остался работать в Москве в газете или журнале отца, услышала простой ответ, что два Вербина в одном здании или даже в одном городе – это бомба замедленного действия. Несхожесть взглядов, различие в подходах и ценностях раздражали отца. Возникающие на пустом месте ссоры переходили в длительное игнорирование друг друга. В обиды. В непонимание. Исправить ситуацию помог друг детства отца – наш босс, приютив нигилиста. В результате чего у спорщиков появилась свобода, а у младшего – новая возможность: показать себя в деле, самостоятельно открыв журнал. Неплохой старт, и нервировать папеньку при этом не особо предполагалось.

Недельное знакомство показало, что Алекс – самостоятельная единица. Настырная, упорная и любознательная. Без стеснения и с долей юмора он рассказывал о своей прошлой жизни, не комплексуя, делился планами на будущее. Открытость и беззлобность, несвойственная русскому менталитету, восхищала, а ведь он считался русским.

Родился он в Советском Союзе, а вот отрочество провёл в Америке у тётки, старшей сестры его матери. Можно было понять её желание приютить племянника: своих детей у неё не было. Её американский брак как раз пришёлся на момент ослабления железного занавеса, когда после основательных проверок разрешили выезды за границу. Тётку долго не выпускали, но должность её мужа сыграла в этой истории главную роль. Это было «время холодной войны» и «время разоружения», когда две сверхдержавы – СССР и США – вели переговоры об ограничении вооружений и об уничтожении целого класса ядерных ракет среднего и ближнего радиуса действия. В делегации от США и оказался будущий муж тётки Алекса, а переводчицей с советской стороны – сама тётушка, поэтому их отношениям не стали препятствовать, не желая поднимать международный скандал. Но в газетных статьях про Золушку, полюбившую принца, не написали ни строчки даже на последней странице жёлтой газетёнки.

Полина – так звали тётушку – уехала в Америку на ПМЖ, а когда Алексу исполнилось четырнадцать, взяла его к себе в небольшой особняк для углублённого изучения английского языка и получения качественного образования. Инициативная женщина. В Америке Алекс закончил сначала колледж, затем поступил в университет. Но в последнее время у тётки начались проблемы со здоровьем, она постоянно лечилась в специализированных санаториях и почти не бывала дома. Муж пытался спасти свою Полли от хвори, а хворь больше напоминала тоску, поэтому лечение не давало видимых результатов. Алекс в периоды её лечения формально числился на попечении дядюшки, но последний скупился на воспитание чужого чада. Отчего учёба медленно сошла на нет и из университета Алекса поперли. И по настоянию родителей или, скорее, мамы Алекс вернулся на родину, в Россию. Родительница получила любимого сына, а отец – наследника и продолжателя своих наполеоновских планов. Да и наследство не разбитое корыто: кроме газеты, на балансе семейки числился ещё московский журнал, парочка ресторанов и загородный клуб.

– Мальчик упакован полностью, – размышляла я, – и ссылка в наш город временная – так, поднабраться опыта. А, заматерев в провинции, он без колебаний рванёт на московские просторы. Да бог с ним! Смелым и флаг в руки.

В результате взаимного и поначалу вынужденного общения мы оказались не безынтересны друг другу. Алекс щедро делился историями, случившимися с ним в Америке, пока жил в доме тётки. Я же, в свою очередь, рассказанные им сюжеты перекладывала на кальку российской действительности. Чем веселила не только себя.

Неделя пролетела незаметно. Я влюбилась по уши. Алекс стал кислородом, без которого я задыхалась. Привязываясь к нему всё больше и больше, я мысленно стирала в сознании всю абсурдность ситуации с возрастом, придуманную мной же. Сотни тысяч людей, не миллионы конечно, но сотни смогли ужиться вместе, игнорируя разницу в возрасте. И почему я не могу оказаться в этой сотне?

О дне рождения Алекса я узнала накануне. Он сам сбросил смс-сообщение: «Завтра я именинник, и твой подарок, Ань, будет самым дорогим для меня)))».

Ответив, что с меня презент, я со всех ног помчалась по магазинам выбирать подарок. Хотелось непременно неординарный и неожиданный.

– Так, так, так... Что можно подарить человеку, у которого нет только Луны? Зима, холод... Что-нибудь тёпленькое, а лучше горячительное... Коньяк? Да, хороший стоит дорого, как раз попадаю в «дорогую» тему, только как-то простовато получается, типа лишь бы отвязаться. Возвращаемся на исходную. Зима, холод... тепло души... дорогой подарок... Что можно подарить? Свитер! Я подарю ему тёплый вязаный свитер.

Колебание с выбором цвета – синий или серый – заняло минут двадцать. Серый подходил к голубым глазам, но мне больше понравился фасон синего свитера, и я купила синий. На открытке дружеского плана, недолго думая, написала стихотворение в стиле хокку, чтобы вечером поразить аудиторию эрудицией. Рифмовать особо ничего не пришлось, поэтому получилось быстро.

Хокку – это один из жанров японской поэзии, нерифмованное трёхстишие. Искусство сочинять хокку – умение сказать многое в немногих словах. У него, по сути, своеобразное построение, где размер строк измеряется слогами. В первой строке пять слогов, во второй семь, в третьей снова пять. Итого семнадцать слогов. Вышло не так романтично, как мне хотелось, но тоже неплохо.

Зи-ма хо-лод-на,
Мгно-ве-нья сча-стья мо-гут
И ду-шу сог-реть.

Вот что получилось, а остальное я собиралась сказать словами. Утром шестнадцатого я пребывала во всеоружии. К тридцати годам я точно знала, что дарить маленькое счастье близкому человеку – это огромная радость и для самого дарящего.

После фуршета в стенах офиса родилось внезапное решение – завершить вечер посиделками в кафе вдвоём. Свитер оказался впору, да и с цветом произошло стопроцентное попадание. Презентабельность исчезла, появилось живое мальчишеское лицо. Мой стих удивил, понравился и озадачил. Именинник, демонстрируя свой творческий потенциал, написал пару хокку на салфетке, выбирая смешные темы. Звонок телефона прервал наш дружеский сейшн. Возникло неотложное и важное дело, а нынешнее тут же попало в разряд менее значимых. В итоге неотложным и важным делом оказался праздничный ужин в честь именинника в гостях у моего дорогого шефа и его семейства.

– Мило, очень мило, – думала я тогда, ещё не зная, что это начало конца.

Следующие три месяца наше общение сводилось к ремонту четырёх арендованных комнат этажом ниже для сотрудников нового журнала. Две небольшие предназначались для директора и выпускающего редактора, оставшиеся – для пишущих корреспондентов. Занятость на основной работе не давала мне проводить весь день с Алексом, поэтому мои попытки помочь носили скачкообразный характер. Во время обеда, вечером или в пятнадцатиминутные перерывы я спускалась вниз, чтобы выбрать краску, фактуру обоев или проконтролировать аккуратность выполнения строительных работ.

Я мечтала, что должность выпускающего редактора предложат мне (и не из-за отдельного кабинета, а по заслугам). И что, разбившись в лепёшку, я сделаю журнал любимого одним из лучших. Но мечта так и осталась мечтой. Через три месяца после начала работ по ремонту и оборудования офиса мебелью и оргтехникой выпускающим редактором назначили дочь шефа, красавицу Софью.

– Да разве могло быть по-другому, – успокаивала я себя. Хотя вырвать этой стерве космы было единственным моим желанием.

После майских праздников состоялось открытие нового офиса. Размах удивлял, шампанское лилось рекой, еда подвозилась вагонами. В этот день и представили нового редактора на суд общественности. Родитель с гордостью говорил о своей дочери, о её успехах и регалиях. София в ответ, вспыхивая румянцем от удовольствия, по-девичьи смущённо хлопала ресницами. Они стояли рядом, как семья, и эта мысль не давала мне покоя весь вечер. А после торжественного мероприятия гвоздём засела в голове, вытаскивая наружу доселе дремавшую ревность.

– Глупости, – успокаивала я себя, – ведь мы с Алексом похожи, мы команда, а она... она просто фифа и всё.

Но в этот вечер Алекс поехал отмечать столь знаменательное событие не со мной, а со своим новым редактором и её папенькой. Мне прилетело лишь сообщение на телефон: «Аня, с праздником! Без тебя бы он не состоялся. Большущее спасибо!»

– Ладно, – подумала я, – будет и на моей улице внеплановая дегустация повидла.

В выходные обо мне не вспомнили – целых два дня никаких сообщений. Я, подстёгивая свою гордость, молчала в ответ. А в понедельник с утра напросилась в командировку – на открытие горячего источника в соседнюю область. Моя тема, мне и писать статью о дивном явлении в нашем краю.

Алексей Германович, позвонивший вечером, извинился за пятничную недооценённость моего существенного вклада в открытие журнала и пообещал загладить свою вину ужином после работы.

– Сегодня вечером у меня деловая встреча по размещению рекламы в журнале, а завтра я свободен, – произнёс он.

– Кстати, я тоже не могу сегодня, – ответила я, скрывая обиду. – Мне завтра рано вставать, еду в командировку.

Он быстро расспросил, куда и зачем. Я неохотно рассказала о завтрашних планах.

– Слышу, ты обижаешься. Давай прекращай. Я поеду с тобой, там и отметим открытие журнала, – предложил он.

Со мной? В такую даль? Волна счастья накрыла с головой, и прежние обиды забылись. А что, собственно, и было-то? Мои выдумки. Решили следующее: он приедет не на открытие, а ближе к вечеру, как освободится.

– Значит, он мой, только мой, – радовалась я. – А ужин с Софией – пустая формальность и горевать здесь не о чем.

Глава 2

Секс возможен или нет? Тьфу-тьфу-тьфу, да хоть бы да...

Подготовка к отъезду получилась основательней обычного. Перетряся шкаф на раз-два и вытащив лучшее, я приступила к тщательному анализу каждой отобранной вещицы. Неотразимость – вот моя задача. Я знала, что мужской интерес к противоположному полу сводится к галимой визуализации, к оценке внешних данных претендентки. Мужчины при знакомстве, словно дети, видят лишь красивую и яркую обёртку. Их мозг работает в строгой последовательности – схвати, попробуй, оцени. И никак не наоборот.

Отталкиваясь от этого, я с оценочным прищуром уставилась на отобранное нижнее бельё, прикидывая, какое взять – белое или красное. Белое ассоциировалось с нежностью, а красное – со страстью. А существовала ли вообще вероятность секса? Иногда казалось, что флирт с его стороны выскакивал за рамки дозволенного, но такие порывы я всегда списывала на собственное воображение. Но сейчас, сидя на голом полу в красных стрингах, решила, что при малейшем намёке на его чувства ко мне отброшу ханжество, навязанное воспитанием, и соблазну, склоню и оторвусь на полную. Дай Бог, всё так и случится.

Рано встав и быстро собравшись, я отправилась в дорогу. Ехать оказалось далековато. И вместо двух часов, как планировалось, я провела в дороге почти три, еле успев на открытие. Желаящих побывать на гиперсобытии оказалось немало. Несколько телевизионных каналов, расставив свои камеры по периметру, застыли в предвкушении. Бассейн, вернее, источник, оформленный под бассейн, оказался маленьким, не оправдывающим ожидания. Рядом с ним красовалось кирпичное строение – гостиница, дающая возможность желающим остановиться на постой. Сразу за ней просматривались несколько домиков для отдыхающих, приехавших на более длительный срок. Комплекс был огорожен кирпичным забором с металлическими штырями, напоминающими стрелы. Внутреннее пространство украшали клумбы с цветами, что несколько одомашнивало территорию. А судя по торчащим из земли горшкам, высадка цветочной рассады производилась вчера вечером специально для открытия. Усердие человеческого фактора чувствовалось во всём. Всё выглядело чисто, уютно, по-европейски стильно и дорого.

Гостиница, в которой я решила остановиться, представляла собой двухэтажное строение с большими балконами, выходившими на территорию маленького курорта. К зданию примыкала пристройка, в которой размещались бар и ресторан с танцевальной площадкой. Поодаль волейбольная площадка и теннисный корт – две асфальтированные полосы стандартных размеров. Внутри гостиницы европейский стандарт, в интерьере много дерева и цветов. Пахнет новизной. Я с наслаждением вдыхала этот воздух, с радостью думая: «Ну вот, могут же». С другой стороны здания ещё один бассейн, ледяной, – для нырков и купания после бани и сауны.

– Мило, очень мило, ну просто луч света в тёмном царстве, – думала я, глядя на это великолепие.

Забронировав номер в гостинице, я двинула в направлении источника. Церемония открытия по-хорошему удивила. Совдепией не пахло. Ярко, живо, непредсказуемо. Купающихся – масса. На плоскогорье люди не избалованы, они умудряются барахтаться в любых мало-мальских водоёмах, получая при этом огромное удовольствие. Сказывается отсутствие моря.

После официальной церемонии, когда бóльшая часть людей разошлась, я отправилась осматривать территорию небольшого европейского отельчика, делая снимки и разговаривая с персоналом. В баре после фотосессии бармена с бутылками мне предложили коктейль за счёт заведения, и после пятнадцатиминутного общения я узнала о гостинице и её владельце почти всё. Фотоматериала на статью хватало, я могла возвращаться. Но вечером у меня планирова-

лась встреча, и ничто не могло сдвинуть меня с этого места именно сегодня. Вернувшись в номер, я приступила к её подготовке. Первым делом приняла душ, переоделась, предусмотрительно таская телефон с собой. Но Алекс не звонил.

– Ну что, будем ждать, выбора-то нет, – решила я.

Разложив вещи, принялась сооружать праздничный стол. Со мной в компании неудачников оказались взятые из дома несколько предметов: бутылка вина, коробка конфет, пара апельсинов и два бокала, прихваченных с собой в последний момент.

– Зачем тащила бокалы? – недоумевала я. Местные оказались не хуже. И откуда мне было знать, что здешние окажутся не гранёным произведением госпожи Мухиной? – Ну и ладно, – пожалв плечами, я оставила на столе громоздкие хозяйские фужеры. А привезённые бокалы сунула обратно в коробку, коробку пихнула в сумку, чтобы не дай бог кто-то заметил скрупулёзность моих приготовлений. Набрал телефон Алекса, услышала женский равнодушный голос – «не доступен». Стол был накрыт, и только мой единственный и долгожданный зритель отсутствовал.

Пройдя несколько раз по комнате, меряя её шагами, я снова осмотрела стол. Всё стояло на своих местах и не требовало вмешательства. Подошла к окну. Солнце садилось. Оно походило на огромный оранжевый апельсин, который, медленно поворачиваясь, скатывался на другую сторону планеты, где, возможно, другая женщина ожидала его восхода.

Сантиметр за сантиметром Земля поглощала Солнце, хоронила золотое светило и мои надежды вместе с ним. Сумерки сгущались. С улицы зазвучали музыка и смех. Жизнь, которая замерла для меня в ожидании, для других пульсируя, продолжалась.

– Значит, ужин пройдёт в одиночестве, – пробурчала я и зажгла свечу, которую случайно обнаружила в шкафчике для посуды. Выключив основной свет, я оставила лишь тускло светящиеся на стене бра. Горящая на столе свеча добавила комнате таинственности, а пляшущий огонёк пламени – создал иллюзию движения. Огонь прыгал и плясал, словно живой, разрушая своим трепетным танцем атмосферу одиночества. Выпив бокал вина, я засобиравалась в термальный источник. Поделиться собственными впечатлениями о лечебной силе воды – это являлось основным замыслом статьи. Резкий стук в дверь прервал сборы, запуская сердце в режим барабанной дроби. Поправив волосы, я открыла дверь, тут же с разочарованием выдохнула: на пороге стоял официант с бутылкой шампанского и ананасом.

– Добрый вечер, доставка в номер, – объявил юноша, протискиваясь между мной и дверным косяком.

– Я ничего не заказывала, вы ошиблись, – с раздражением сказала я.

– Заказывали не вы, а ваш молодой человек.

В дверях появился Алекс с огромной ромашкой в руке.

– Привет, – произнесла я, сменив раздражительность на холодность.

А самой хотелось скакать от счастья и расцеловать всех, включая официанта. Вот только моя гордыня, будь она неладна, выдавила только слово «привет».

– Еле нашёл это богом забытое место, – сообщил Алекс, входя в комнату. – Мило тут у вас. Я не помешал? – Он взял второй бокал в руки.

Оставив заказ на столе, официант удалился.

– Этот для тебя. Не дождавшись, начала одна. Вот, выпила немного вина, собралась купаться, а тут... ты. Рада, что ты приехал.

– А по тону и не скажешь. Вот тебе цветок – ромашка, погадаешь. – Алекс протянул цветок.

– Спасибо. Слишком большая для полевой.

– У входа сорвал. Наверное, меня уже ищут.

Машинально сунув ромашку в вазу, стоявшую на буфете, я скороговоркой произнесла:

– Слушай, а давай выпьем шампанского за твой приезд и сиганём в источник купаться, раз уж я собиралась.

– Программа замечательная. Только вымою руки и расскажу, как сюда добирался.

– Хорошо, только быстро, а то не терпится уже узнать, каково это – в горячей воде, да на холодном воздухе. Хотя можно не торопиться – говорят здесь и ночью можно плавать. Обязательно опишу собственные ощущения от такого купания, нужно же добавить в статью эмоциональности, – тараторила я, улыбаясь.

Сердце колотилось от счастья, и казалось, что оно вот-вот пробьёт грудную клетку и птицей вырвется наружу, выдав тем самым мои чувства. Я парила в невесомости, не ощущая своего тела.

– Господи, спасибо тебе, – благодарила я Всевышнего.

А сама носилась как заведённая, приводя стол в порядок. Убрала со стола вино как атрибут одиночества, запихнула шампанское в ведёрко со льдом как элемент новой жизни. И принялась нарезать дольками буржуазный фрукт (хотя «ешь ананасы» и «день твой последний» не сильно вдохновляли).

– Ань, я тут по дороге купил батон и колбасу. Есть хочется жуть. Сегодня без обеда. Хотел в дороге перекусить, но не удалось, – извиняющимся тоном говорил Алекс, доставая из пакета продукты. – Но мы можем сходить в ресторан поужинать, если хочешь. Здесь вроде есть куда.

– Да ты находка, просто умница! Червячка заморить самое то. Перекусим в номере. Я тоже без обеда, замоталась, за весь день ничего съестного в желудок не опустила. Нет, вру, орешки были, – ответила я, мастера бутерброды, запихивая некрасиво нарезанные кусочки колбасы в рот.

Голод, знаете ли, не тётка. Запивать бутерброды шампанским оказалось отличным занятием. Вкусным и весёлым. Непринуждённость разговора поддерживал Алекс – рассказывая, как добирался. Получилось так, что один сердобольный и участливый дед, повстречавшись ему на дороге, на вопрос: «Как проехать к минеральному источнику?», – не раздумывая, ответил: «Сейчас сориентирую...», – и, забравшись в машину, в течение двадцати минут с воодушевлением, размахивая руками, показывал дорогу к источнику, уверяя, что ему по пути. А когда его с комфортом доставили ко двору, наш хитрец, выбравшись из машины, на пальцах объяснил остаток пути, из-за чего Алекс, заехав в Тмутаракань, кружил в течение часа по округе, пока опять не выбрался на трассу ровнёхонько в том же месте. Старичок оказался старой лисой и обхитрил доверчивого путника, обманом доехав до дома. Я, в свою очередь, поведала о церемонии открытия, о том, как управляющего отелем бросили в воду прямо в одежде (ботинки было жалко даже мне), как затем орава детей, одетых русалочками и водяными, сиганула вслед за ним. Все были мокрющими, но счастливыми. Репортаж намечался яркий, с массой фотографий и позитивных отзывов. Для экономии времени я планировала вечером набросать статью и утром уехать обратно.

– Могу написать статейку и в твой журнал, если хочешь? Фотографий много, хватит на всех, – предложила я.

– Хочу, очень хочу, – смеясь, ответил он. – Буду рад любой помощи.

– Ты с ночёвкой или уедешь сегодня?

– Сегодня. Утром запланировал встречу, – виновато ответил он.

– Понятно. Ну что ж, не будем терять времени. Пойдём в источник оздоравливаться. Судя по рекомендациям, он предназначен именно для этого.

– Я готов. Идём.

– Минутку. Переоденусь, и пойдём, – сказала я и галопом понеслась в ванную.

В бассейне царило безмолвие – к этому времени он уже пустовал. Все отдыхающие переместились в бар, оттуда доносились музыка и смех. На улице похолодало, поднимающийся от воды пар напоминал низко стелющийся туман. Алекс нырнул в воду первым.

– Эх, я тоже могла бы показать класс, – подзадоривала я себя, но шагнула к ступеням. Портить макияж не хотелось. Да и купальник на мне смотрелся симпатично, его стоило показать. Я красиво спустилась по лестнице в воду, демонстрируя бесспорные преимущества фигуры, причём лицом вперёд, а не зависая задницей над головами купающихся, как делала в большинстве случаев. Вода оказалась тёплой. От приятного соприкосновения с водой, по телу побежали мурашки, и оно, расслабившись в сладкой неге, приобрело невесомость. Фантастические ощущения. Такие переживания нужно прочувствовать самому. Райское блаженство прервал Алекс, схватив меня за ноги, он утащил меня с головой под воду.

– Вот и прощай, нарисованное очарование на моём милом лице, – пронеслось в голове.

Секунда сожаления – и я, рассмеявшись, умылась. Искусственная красота исчезла, остались живость и подлинность, дарованные природой. Тут я показала Алексу классическую технику прыжка в воду – без брызг, с хорошей вертикалью. Он смотрел на меня с завистью, но сколько бы не пробовал нырять только шлёпался животом об воду, поднимая огромный фонтан брызг.

Тогда он решил обставить меня в соревнованиях по скоростным заплывам. По его версии, выигрывал тот, кто быстрее доплывал от бортика до бортика и возвращался обратно.

– Ну что, на счёт три стартуем? – спросил он, на сто процентов уверенный в победе.

– Давай. Пару бассейнов кролем я смогу осилить, – смеясь, ответила я.

– Раз, два, три...

Мы стартанули. Я понимала, что выиграть, скорее всего, не удастся, но у меня уже была победа в прыжках, и проиграть в этом случае казалось не зазорным: проигрыш выводил меня на ничью. Хотя уступать я не собиралась: чем чёрт не шутит, плаваю неплохо. Включив внутренний резерв, я рванула. Не отстаю, держусь за спиной. А брызг-то от него! Аккуратней всё же надо... На повороте, чтобы выиграть время, бортик не задеваю, разворачиваюсь раньше. Он чуть впереди и не видит. Шельмовать так шельмовать...

– Ай, блин, что это? Мамочки! – вскрикнула я.

Во время разворота в лицо мне прилетела рука Алекса. От неожиданности я погрузилась под воду с головой. Вынырнула. Слезы ручьём.

– Аня, прости меня, ой, прости, пожалуйста. Больно? – суетясь, спросил Алекс, дую мне в лицо.

– Уже нет, – ответила я, вытирая слёзы и пытаюсь открыть глаза. Правый ни за что не хотел открываться. Он моргал, закрывался и плакал.

– погоди. Сейчас подую, и пройдёт.

– Не надо, и так пройдёт. Видимо, глаз поцарапан.

– Ну, прости меня, я не хотел, случайно получилось. Я повернулся, а тут ты. Я не сразу тебя заметил.

– Да ладно, почти прошло. Сама виновата, могла бы и подумать.

– Дай гляну ближе, есть ли повреждение. Посмотри вверх.

Слёзы продолжали течь по щекам. Лицо Алекса, приблизившись к моему, оказалось так близко, что мне пришлось закрыть глаза. Внезапный поцелуй обжёг меня, и я вздрогнула. Ещё, ещё! Меня колотило от поцелуев и прикосновений. Его тело дрожало, плотнее прижимаясь к моему. Мы ненасытно и жадно целовали друг друга, не стесняясь и не обращая внимания на появившуюся вокруг нас активность.

– Пойдём в номер, – шепнул Алекс.

Я кивнула. В горле стоял ком. Выскочив из воды и схватив вещи, мы побежали в номер. Дверь хлопнула, отделив нас от остальных, давая шанс на уединение. Только я и он. Губы нашли друг друга. Мокрые вещи упали на пол. Два тела сплелись в единое целое, повалившись на кровать. Его раскрепощённость поражала. Я криком отозвалась на его поцелуи между моих ног. Этим он лишал меня воли, полностью подчиняя себе. Отбросив стыд, я принялась языком

ласкать его плоть, заставляя его стонать от наслаждения. Это была страсть, дикая, животная страсть. Вход в меня вызвал новый крик наслаждения. Мозг взорвался. Тело пульсировало, создавая ритм. И на пике этого наслаждения, почувствовав в себе теплоту, я, мыча и содрогаясь в судорогах оргазма, на миг потеряла ориентацию в пространстве. Всё кружилось вокруг меня, и в этом водовороте, в этом ярком, мерцающем свете я летела вверх, таща Алекса за собой. С возвращением разума вернулась и реальность. На лице Алекса блуждала безмятежная улыбка, наполненная каким-то внутренним счастьем.

– Позже спрошу его о полёте, – решила я, продлевая минуты блаженства. После горячего купания и горячего секса мы уснули, словно дети, крепко обнявшись и уткнувшись друг в друга.

Будильник на телефоне зазвонил ровно в семь. Я открыла глаза. Алекс сопел рядом. Его рука, обнимавшая меня, давила на рёбра, не давая дышать полной грудью. Незаметно выскользнуть из-под неё, не разбудив Алекса, не удалось. Быстро чмокнув его в нос в знак благодарности за восхитительную ночь, я ткнула пальцем в экран смартфона, чтобы прекратить его трескотню и уселась на кровати. Показав жестом, что иду чистить зубы, я напрямик направилась в ванную, позволяя Алексу ещё немного поваляться в постели. Одевшись, я заказала завтрак в номер по телефону и принялась укладывать вещи. Красные кружевные стринги, сиротливо торчащие из сумки, исчезли за металлическими зубцами молнии первыми, так и не приведя в восторг пару мужских глаз.

Позавтракали быстро. Ели молча, смущённо улыбаясь, как дурачки. Звонок шефу несколько разрядил обстановку. «Да, буду после обеда. В сервисе, машина не реагирует на брелок, что-то с сигналкой. Ничего страшного, разберусь. Не теряйте». Что-то нужно было сказать. После, чмокнув меня, Алекс произнёс: «Не прощаюсь, встретимся на работе. Всё, уехал».

– Я надеялась, что мы поедем вместе и пообедаем где-нибудь по дороге, – с досадой сказала я.

– Аня, давай вечером. У меня сегодня важная встреча. Вчера отключил телефон, пропустил тысячу звонков. Вон и отец сбросил сообщение, просил срочно перезвонить.

– Позвони сейчас, – предложила я.

– Сейчас восемь, а в Москве шесть утра. Рано ещё. Позвоню по дороге, – ответил он.

Алекс, накинув куртку, в дверях крикнул: «До встречи! Ещё не вечер, а я уже скучаю». И исчез за дверью. Теперь я собирала вещи, не торопясь. У меня всё равно не было шансов догнать его. Разве можно догнать ветер?

В два часа дня я подкатила к офису. От девчонок узнала, что Алекс срочно улетел в Москву: у американской тётки случился инсульт, и теперь она в коме. По этой причине всё семейство улетало в Америку.

– Почему мне не написали об этом? – подумала я. Тут же пискнул телефон, прилетела смс-ка. «Анька, вечером ужин отменяется, с тёткой плохо, улетаю в Америку. Как смогу – напишу».

– Держись, всё обойдется, – ответила я смс-кой.

Мозг принялся подсчитывать максимальный срок разлуки. Если готовить визы и прочие документы на выезд – это займёт неделю или дней десять. Допустим, неделю. Полторы недели в Америке. Вернувшись в Москву, провести недельку дома. В итоге я не увижу его месяц. Целый месяц, почти весь июнь. Чёрт, а у нас только начали завязываться отношения...

С тёткой оказалось всё серьёзней: она, не выходя из комы, умерла. Похоронили её в Америке, хотя родственники настаивали на вывозе тела в Россию. Алекс не звонил. Пару раз приходили короткие сообщения на почту, написанные из Интернет-кафе. Но это была односторонняя связь. Абонент всё время был вне доступа. Мои расчёты оказались верными. Конец июня, а парковочное место Алекса пустовало. Время тянулось медленно, и даже загруженность

работой, походы в кино, на выставки не могли заставить его бежать быстрее. Когда ждёшь, время не спешит. Это аксиома, и она не требует доказательств.

Глава 3

Девушка не на десятку, и это я...

После отъезда Алекса первые десять дней я активничала, пытаюсь впитать в себя все события, происходящие в городе, чтобы после возвращения отвлечь его от мрачных мыслей, завалив информацией. В последующие десять решила – всё это ребячество. По возвращении его ждала работа, а тут я со своим списком посещения значных мест. По прошествии ещё десяти дней у меня в голове накрепко засела новая мысль: почему он вообще должен помнить обо мне? Случайный секс между мужчиной и женщиной не всегда ведёт к продолжению отношений. Нередко перепахон для мужчины – это минутное, ничего не значащее разнообразие в жизни и только. А может, ему не понравилась вся эта круговерть, и он тактично сольётся, избегая дальнейших встреч со мной.

Теперь время работало против меня. Пауза, даже по меркам Станиславского, затянулась. Я боялась приезда Алекса.

А тут ещё Алька, не соблюдая дистанцию, тюкнула чужой Мерс своей Маздой. Во время разборок по выявлению виноватого её подвыпивший бойфренд проснулся и, увидев, что Альбина кокетничает с посторонним мужчиной, особо не разбираясь, крепко поколотил и без того пострадавшего водителя. Потерпевший подал заявление в суд. Во время разбирательств Алька в пух и прах разругалась с Толиком, бросила его и, чтобы не горевать наедине со своей бедой (это её слова, не мои), переехала ко мне. Третьи сутки я слушала рассказы Альбины о том, какие менты придурки, страховщики – уроды, и как она всё разрулила бы сама, если бы не этот баран-Отелло Толик. Потом она напивалась, и я слушала скулёж на тему, как к ней несправедлива судьба.

– Никто не застрахован от чёрных полос. Для этого и нужны друзья, – убеждала себя я, слушая причитания Альбинки.

Каждое утро начиналось одинаково. Сначала мы ехали к Алькиному дому, где она переодевалась ровно час, потом со скоростью света летели в офис, нарушая при этом все пункты и правила ПДД, чтобы вовремя оказаться на работе. Но при всей моей собранности третьё утро мы опаздывали – сегодня не на пятнадцать минут, как обычно, а на сорок. А в пятницу до обеда сдавался материал в печать для загрузки типографии в выходные. Нас же на работе в 9.40 не было, а вот шеф наверняка был, и нас с Альбинкой ожидали неприятные разборки по поводу опоздания. Но дуракам везёт. Утром босс вместе с дочерью улетел в командировку в Москву на показ осенней коллекции Юдашкина.

– На дворе разгар лета, а они – пальто фотографировать. Эх, мне бы в Москву... встретила бы Алекса... быть может, – мечтательно подумала я и добавила в кофе вторую ложку сгущёнки, чтобы подсластить досаду.

Комп моргнул и засветился экраном. Я открыла почту. Один рабочий материал и куча рекламной чепухи. От Алекса ничего. Три недели ничего.

Появился он как гром среди ясного неба. Из его машины на парковке выпорхнула Станислава. Оживлённая беседа, смех и на прощание поцелуй в щёчку. Что это было? Что за вольности? Я не верила своим глазам. А я? Как же я? Я была готова бежать на край земли, чтобы только увидеть его. И что? Что взамен? Опять кидалово? Всё, с меня хватит! Я больше не буду жертвой, которая смотрит в глаза мучителю и ждёт своей участи. Теперь я в роли мужчины – бессердечного и ничего не чувствующего. Одного урока мне предостаточно.

Поэтому, встретив Алекса в коридоре, я весело сказала:

– Доброе утро, Алексей Германович, с возвращением... Сотрудники журнала, вижу, заждались вас.

И шагнула в свой кабинет. Видели бы вы его лицо! Оно было таким же каменным, как у меня на стоянке.

Теперь всё шло по моему сценарию. С Алексеем Германовичем у меня установились профессиональные отношения. Натянутые профессиональные отношения двух коллег. Он несколько раз пытался заговорить со мной, но я прерывала разговор, ссылаясь на занятость. Я игнорировала его шутки, забавные рассказы. Я в принципе игнорировала его, твёрдо решив не отступать от своей роли. И чем больше я в неё погружалась, тем лучше становились отношения Алекса с Софией. И тем хуже со мной.

Последний месяц лета пролетел незаметно в связи с невероятной загруженностью. В плюс сыграли и проведённые на даче у родителей две недели отпуска, которые поверхностно, наспех зарубцевали сердечные раны. На дворе стоял сентябрь. Осень припозднилась, и бабье лето пришлось на последние числа месяца. Сухо, светло, тепло – здорово! Я любила такую осень. Да и само по себе бабье лето – как некий вызов существующим законам природы, неконтролируемый возврат в прошлое. Маленькое чудо, возникшее в холодную, дождливую погоду. Женщины на миг расцветают, достают из шкафов светлые наряды, снова звучат детские голоса, на улицах гуляют влюблённые пары. Все нежатся в последних лучах солнца. Скоро дожди, а это самая скучная пора в году.

У нас же в газете «бабье лето» – это своего рода праздник. Четыре года назад в конце сентября, во время бабьего лета, состоялось открытие нашей газеты. Точной даты как таковой не существовало, вернее, в свидетельстве она имелась, но мы, игнорируя всякие правила, по велению сердца каждый год в последнюю тёплую неделю осени выезжали на природу, тем самым отмечая «день рождения газеты». Так было и в этот раз.

Всю неделю стояла теплынь, и в пятницу решили рвануть на шашлыки. Отвертеться от гиперсобытия не удалось. Оставалось одно – веселиться. Натянуто, сжав зубы, с улыбкой на лице. И вот мы в лесу. Я одной из первых вышла из автобуса. Кругом кра-со-та! Ну, просто настоящее мини-лето. Солнце печёт. Небо слепит синевой. Воздух – эфирная субстанция, чист, прозрачен и свеж. В городе такого воздуха нет, даже в парках и даже после дождя. А какая тишина! Человека, привыкшего к шуму города, она оглушает. Только крик птицы или хруст падающей ветки возвращает в реальность, напоминая, что ты не один в этой тишине. И вдруг это хрупкое невидимое единение с природой начинает ломаться. Появляются новые звуки и запахи: стук топора, крики, смех, музыка, запах костра. Человек пришёл, и природа отступила. Выдохнув остатки сожаления о невозможности единения с природой, я присоединилась к шумному и быстрому завоеванию кусочка её территории, дав себе зарок обязательно вернуться сюда, окунуться в мир леса, посидеть вне времени и подумать о вечном.

Алекс с боссом и его дочерью приехали, когда всё уже было готово. Такое положение дел всегда приятно для руководства. Особенно рапорт о досрочно выполненной работе, причём сделанной ещё вчера. Игра в волейбол на мгновение прекратилась, большинство играющих пошли встречать вновь прибывших, а я и ещё несколько не карьеристов продолжили перекидывать мяч друг другу. Своё нежелание видеть начальство я понимала, а вот каковы причины у остальных? Можно ли понять это по лицам играющих? Присмотрелась. Большая часть игроков, натянув на себя маску безразличия, скрывала истинные чувства, и лишь на лице девушки, играющей напротив меня, отразилась неприкрытая усмешка. Интересно, с кем у неё возникло противоборство? С боссом или Алексом, а возможно, с Софией... Судя по улыбке, блуждающей на её лице, она из этого сражения вышла непобеждённой, если не победителем. Девушка оказалась из недавно принятых. Я силилась вспомнить её имя, перестраивая свои извилины из параллельных в перпендикулярные, пытаюсь этим выделить её из остальных. Усилия оказались тщетны: банально не хватило времени. Ушедшие стали возвращаться в игру, и я перестала чувствовать свою солидарность с этой женщиной, так и не получившей имени, и ещё с пятью мужчинами, оставшимися коленопреклонёнными. С увеличением количества участников игра

обрела былую динамичность, я же в противовес ей – медлительность и рассеянность. Желание увидеть Алекса мешало игре, а обернуться не позволяла сверхмерная гордость.

– Вот почему бы сразу не встать лицом к костру? – укоряла я себя.

Пока два полушария вели борьбу за подачу сигнала для поворота головы, моё тело, управляемое спинным мозгом, создавало бесконечные оплошности в игре. И вот она, развязка внутренней борьбы: Алекс, встав в круг напротив меня, включился в игру.

– Иногда бездействие даёт положительный результат, – похвалила я себя за твёрдость характера.

Он чертовски хорошо играл. Я тоже из неуклюжки превратилась в Екатерину Гамову. А вот и апофеоз игры: Алекс снял куртку и, отбросив её в сторону, остался в синем свитере. В «моём синем свитере». Это было ударом под дых. От негодования у меня перехватило дыхание.

– Зачем? Зачем? Зачем? – Это слово, повторяясь, стучало в моей голове.

На мгновение я застыла в недоумении, уставившись на Алекса. В широко открытых глазах на миг отразился мяч, и сильнейший удар в лицо свалил меня с ног. Я с маху шлёпнулась на задницу. Обида и гнев, раздирающие изнутри, заглушили нокаутующую боль. Во рту появился привкус крови. Напарники по игре тут же подняли меня на ноги и, дотащив до костра, усадили на ящик со спиртным, оказывая первую помощь, которая свелась к простому прижиганию разбитых губ водкой. Я не сопротивлялась, я покорилась обстоятельствам. Дезинфекция губ закончилась приёмом ста грамм лекарства внутрь, и ступор начал проходить.

Появившиеся изменения в лице стали медленно превращать меня из чемпионки по волейболу госпожи Гамовой в секс-красавицу Анжелину Джоли. Губы пухли на глазах, придавая мне поразительное сходство с вышеназванной леди. В меня влили ещё сто грамм горячительного напитка. Сие действие опять не вызвало сопротивления с моей стороны. Зато алкоголь выполнил свою задачу качественно. После двухсот грамм водки на голодный желудок синий свитер Алекса стал для меня, точно красная тряпка для быка. Произошло превращение ангела в фурию. Я подкальывала, язвила, хохотала громко, как Мальвина, и заливала своё горе спиртным, катаясь к привычному для алкоголика состоянию – «домой под белы ручки». Остановить меня могло лишь чудо, и оно произошло. Танец с Алексом. Это было верхом наглости: он решил обуздать несущуюся галопом лошадь. Согласившись, я решила: это мой шанс высказать ему всё, что я о нём думаю, да и алкоголь провоцировал на смелость в высказываниях. Под медленную музыку мы присоединились к танцующим парам.

– Вижу, надеть совсем было нечего? – с нескрываемым раздражением спросила я.

– Ты про свитер? Так он мне нравится. Он мягкий, тёплый, приятный на ощупь, одни плюсы, – ответил он. – Сама же ощущаешь.

При этих словах он прижал меня к себе, и мою спесь как рукой сняло. Из колючего монстра я превратилась в домашнюю кошку, правда, пьяную, которая вот-вот разревётся. Я молчала, боясь, что голос выдаст дрожание внутри. Музыка закончилась, пары стали расходиться, рассаживаясь у костра. Алекс предложил пройтись до автобуса за спиртным, чтобы поговорить. Пульс в венах чётко отбивал «нет, нет, нет», но я ответила: «Идём». Говорил Алекс тихо и спокойно о том, что потерял в моём лице хорошего друга, что общение со мной было приятным и поучительным для него, что он был бы рад, если бы наши дружеские отношения возобновились, и что у него есть парочка идей по поводу журнала, которыми он хотел бы поделиться со мной... С каждым произнесённым однокоренным существительным к слову друг я всё глубже и глубже хоронила наши отношения, вернее те клочки воспоминаний, которые сидели в моей голове. Я шла, качая головой, как бычок в стихотворении. На глазах слёзы, в голове пульсирующая мысль – вернуться и выпить водки.

– Ты слушаешь меня, Аня? – спросил Алекс, вторгаясь в мои мысли. Он давно не обращался ко мне по имени, и я вздрогнула от неожиданности.

– Да. Слушаю, – промямлила я, продолжая движение по инерции.

– Аня!

Остановившись, я подняла глаза. С моей ресницы скользнула слеза и покатилась по щеке, потом ещё одна и ещё. Что стало толчком – мои слёзы или его жалость ко мне, но Алекс поцеловал меня. Ни боль, ни привкус крови не остановили нас, хотя губы молили о пощаде. Обида, страсть, желание, счастье – все чувства, смешавшись в один коктейль, разрывали мой разум. Тело, истосковавшееся по нему, хотело плакать, смеяться и кричать одновременно. Мы упивались друг другом. Ещё пару секунд – и от нашей энергии разнесло бы землю. Не справившись с чувствами, я, провалившись в туман, потеряла сознание, но не взлетела, как в прошлый раз, а камнем рухнула на землю. Гравитация реальности победила невесомость любви.

Очнулась я у костра от шлёпанья по щекам. Замычала. Моё лицо больше не могло переносить физической боли. Снова платок с водкой, приложенный к губам... молчу, ни звука, усталость сильней. Киваю в подтверждение, что, споткнувшись, упала лицом вниз, от боли потеряла сознание, прошу отвезти меня домой. В итоге ложь во спасение, небольшая и ничего не меняющая. Приключений на мою голову и в прямом, и в переносном смысле было предостаточно. Горячая ванна, сон и только утром обо всём подумать – вот чего хотелось сейчас.

Проснулась я от солнечного света, заливающего комнату. Значит, около двенадцати. Солнце-труженик, отработав полдня, в укор бездельникам жарило на полную катушку. Хотелось пить. Объём губ не уменьшился за ночь, сведя глаза к носу, я увидела очертания верхней. Черепно-лицевая хирургия была бы рада встрече со мной. Однажды я попала туда с воспалением лимфатического узла на шее, так вид некоторых пациентов просто пугал, напоминая героев ужастиков. Даже сейчас, вспоминая об этом, я прошу Господа помочь им и уберечь наши души и тела от подобного.

Прислушалась к ощущениям. Голова не болела после вчерашнего. Потрясла ею. Нет. Ничего. Не может быть. Неужели повезло? Видимо, водка хорошая. А с моими примочками и лечебным обезболиванием её, похоже, мало кому хватило к концу вечера. Закрыв глаза, я мысленно восстанавливала цепочку событий. Одно точно – оторвалась на полную. Из неохваченных трюков – «шпагат» и «мостик», но для демонстрации подобного необходима некая устойчивость в ногах, которой вчера не было.

– Ничего, эти заготовочки пригодятся в следующий раз, а нынче и так отличилась, – корила я себя, жалея о вчерашнем срыве, пытая и вздыхая, как старушка.

Из кровати меня вытащил звонок. Светлана – ранний птах – интересовалась моим здоровьем. Разговор получился коротким. Моя невнятная речь, непослушными губами с пересохшим горлом, дала ей понять главное: я жива. Мысль успокоила её, и она, пожелав мне скорейшего выздоровления, распрощалась. Снова звонок. Оксана. Услышав моё с трудом произнесённое «Алло», порекомендовала мазь, которая снимает отёк, этим закончив разговор. Альбина позвонила последней. Оно и понятно: она в выходные вставала не раньше двенадцати. С ней я разговаривала уже членораздельно, но из всех трёх позвонивших её это интересовало меньше всего. Спросив «Как здоровье?» и не дождав ответа, она принялась рассказывать, как закончился вечер для неё. До её звонка моя голова чувствовала себя гораздо лучше. Чтобы прекратить её трескотню, я соврала, что позвонили в дверь, и, пообещав перезвонить позже, положила трубку.

Наступила тишина. Время подумать. Привести мысли в порядок. Порядок в голове – это замечательная вещь. Мозг без кофе не хотел вступать на путь анализа. Первую турку свежесваренного кофе я выпила практически залпом, обжигая губы и горло, а вторую пила, медленно потягивая, погружаясь в думы. Если бы я умела курить, это завершило бы целостность картины.

– Вчерашний поцелуй... что это могло значить? Порыв? Внезапный порыв? Чувства или минутная слабость? А может, он просто издевается, чтобы почувствовать власть надо мной?

А если банальная жалость? Нет, нет, он любит меня! Поцелуй точно говорил об этом. – Свет счастья вновь забрезжил во мне. – Он мой, он будет со мной.

Схватив телефон, я начала набирать смс: «Здравствуй, хотела поговорить с тобой о вчерашнем...» Нет, как-то официально. Удалить. «Привет, не грузи себя, вчерашний поцелуй ничего не значит...» Нет, а если это действительно так? Снова «делит». Удалила ещё пару вариантов и остановилась на следующем: «Привет. Жива, здорова, губы сдулись. Предлагаю беседу под кофе – как мировую. Аня». Сразу отправить сообщение не хватило духу.

– Отправлю завтра, а то как-то быстро у меня всё получается, – решила я, сохранив набранный текст в черновиках. Посылать написанное не пришлось. Вечером пришла смс-ка от Алекса:

– Здравствуй, Аня, прости за вчерашнее, надеюсь, ты в порядке.

Иллюзии развеялись, как дым, и в голове установился порядок, столь мной желаемый. Стоит только человеку почувствовать искру надежды – как в его голове сразу возникает хаос мыслей, идей. И вдруг всё встаёт на свои места. Одно предложение – и иллюзорность исчезает. Ведь жизнь так коротка, чтобы тратить её на бессмысленные идеи и несбыточные мечты!

Глава 4

Разве может быть ещё хуже?.. Может...

Звонок телефона вывел меня из оцепенения, избавив от навязчивых мыслей о дальнейшем существовании. Звонил Алекс. Он представился, хотя это было лишним, затем произнёс целую тираду – быстро, не сбиваясь, точно по написанному.

– Знаешь, я много думал о своей жизни, о тебе, о Софии... Ты сильная личность, Аня, ты многого добьёшься в жизни сама. А Софа... она такая маленькая, такая беззащитная, ей трудно придётся без меня в этой жизни, я люблю её, у нас скоро свадьба.

Слёзы брызнули из глаз. А он продолжал:

– Она моя половинка в этой жизни, смысл, понимаешь? Софа... Она так трогательна, наивна и чиста, и я правда люблю её. И лучше, если ты узнаешь эту новость от меня, чем от кого-то другого. Думаю, так будет честнее. Ты хороший человек, Аня, я буду признателен, если ты останешься мне другом.

Горечь обиды комом застряла в горле.

– Прости меня, Аня, за всё, если сможешь. – После секундного молчания он добавил: – Мы подали заявление в загс, и свадьба состоится семнадцатого декабря. Официально об этом событии сообщим в понедельник.

Чтобы прекратить пытку, я тихо ответила: «Поздравляю». И положила трубку.

Мир рухнул. До свадьбы оставалось шесть дней, шесть ужасных дней. Статья, лежащая передо мной, медленно превращалась в бугристую жабу от падающих слёз. Они крупными тяжёлыми каплями падали, громко шлёпая по бумаге. Вот и всё. Я встала и твёрдым шагом направилась в кабинет шефа, заявила, что у меня нестерпимо разболелся зуб, и отпросилась с работы. Девчонки, сочувствуя, качали головами, наперебой давая мне телефоны знакомых врачей, уверяя, что боль временная, если её не запускать. Боль временная? Да я не могу от этой боли вздохнуть всей грудью. Внутри сжатая пружина. Ещё минута – и всё вырвется наружу. Комок обиды стиснул горло, но я мило улыбалась, слушая советы подруг, продолжала брать визитки с телефонами врачей, мыча в ответ слова благодарности.

– Скорее, Аня, скорее... Нужно вырваться отсюда, – пульсировал в мозгу.

Сев в машину и отъехав немного, я остановилась и разрыдалась. В голове, словно заевшая пластинка, крутилась фраза Алекса: «Свадьба семнадцатого декабря, свадьба семнадцатого декабря...» Добравшись до стоянки и с трудом припарковав машину, в магазине напротив купила бутылку коньяка и плитку шоколада. Дальнейшие действия совершала на автомате. Вошла в квартиру. Отключила сотовый. Поставила домашний на автоответчик. Открыла воду. Наполнила ванну. Разделась. Выключила воду. Достала нож, села на стул. Мозг прозябал в опустошении, давая сигналы лишь к физическим действиям. Откупоривая бутылку ножом, резанула руку, пошла кровь, но я с упорством продолжала ковырять. Порезалась второй раз, снова пошла кровь. От боли и обиды заорала на всю квартиру: «К чертям всё собачьим! Всё и всех! Вех! Всех! Всех к чертям!»

Кинув на пол нож, я заревела в голос, а слёзы словно две реки, прорвавшие плотину, полились по щекам.

Я сидела на стуле в центре комнаты, голая, беззащитная, одинокая и брошенная всеми. Передо мной стоял пустой стакан, в руках – непочатая, измазанная кровью бутылка коньяку. Временами слёзы кончались, но я вспоминала какое-либо досадное событие из своей жизни и, жалея себя, громко и безудержно рыдала. Я собиралась вырвать все обиды, засевшие во мне. Сколько это продолжалось, сказать трудно. Вывел меня из оцепенения пронизывающий до костей холод. Встав и поставив бутылку на стол, я поплелась в ванную комнату. Вода остыла. Пришлось выдернуть пробку и с шумом спустить её по водостоку. Мыться расхотелось. Отмыв

лицо от туши, а руки от спекшейся крови, я вернулась в комнату, рухнула на кровать и провалилась в сон.

Утром будильник, бесчувственный механизм, зазвонил ровно в семь, как обычно. С большим трудом разлепив глаза, я обнаружила в зеркале Майка Тайсона, которого все девять раундов лупили в основном в область переносицы. Причём целенаправленно. Заварив два пакетика чая и приложив их к глазам, через пятнадцать минут я лицебезела, что мешки под глазами из красных превратились в коричневые. И стали выглядеть ещё ужасней. Сходство с боксёром по десятибалльной шкале подползло к твёрдой восьмёрочке. Подобное явление меня народу не для слабонервных. Поплелась в коридор и, позвонив Светлане, предупредила её, что с утра заскочу к зубному, чтобы немного подточить новую пломбу, вчера чудом уместившуюся во рту, а к одиннадцати как штык буду сидеть за рабочим столом, переключая бумагу. Времени для возвращения былой внешности оставалось впрытк. Для борьбы с мешками решила использовать холод. Старый проверенный метод. В морозилке льда не оказалось, поэтому, завернув два куриных окорочка в салфетки, приложила их.

– У-у-у-у, – вырвался крик. Тысяча тонких игл впились в глаза. Лицо промёрзло до костей, зато эффект бесподобный. Чтобы закрепить результат, прилепила к глазам разрезанную пополам свежую картофелину и приобрела вполне удобоваримый вид. Рецепт новый, но реально действующий.

Ровно в одиннадцать я сидела на рабочем месте, как и обещала. Девчонкам рассказала придуманную историю про зубного врача, сварила для всех большую колбу кофе и приступила к работе. Статья не клеилась, вчерашний разговор так и крутился в голове. Оставалось шесть дней, шесть ужасных дней, и я, как загнанный зверёк, искала выход, понимая – он должен быть. Мозг кипел, перебирая варианты. О свадьбе официально сообщат в понедельник, значит, заявление в загс подано месяц назад. Разве я могу что-то изменить? И что мне теперь делать? Как с этим жить? Необходимо исчезнуть, лечь на дно, затаиться. Когда после пятнадцатиминутной истерии чувств в работу включился рассудок, я нашла выход из сложившейся ситуации.

Для выполнения задуманного пришлось перелопатить кучу материала, все рабочие файлы перенести на ноутбук и переадресовать почту на домашний имейл. Оставалось немного: дописать статью о возможном возникновении парникового эффекта на Земле при повышении среднегодовой температуры на три градуса. Я так увлеклась доводами профессора Кузнецикова, что мои горести стали казаться ничтожными и смешными в сравнении с уходом под воду некоторых стран в ближайшие десятилетия. Но ровно до тех пор, пока в кабинет не вошёл он. Поздоровавшись, Алекс забрал у Светланы статью и вышел.

Его присутствие длилось пару секунд, но обида накрыла меня с такой силой, что выбила из рабочего процесса минут на двадцать. Мозг двадцать минут крутился по спирали, зациклившись на фразе «брошенка – как же я – и что теперь делать». Наконец, собравшись и дописав статью, я отдала её в печать. Потом навела порядок на столе, разложила бумагу по стопкам и оставила их на видном месте для удобства поиска. Не желая коротать вечер в компании коньяка, я пригласила девчонок на пару часов в боулинг. Желающие нашлись, видимо, работа эндорфина – гормона радости – приостановилась не у меня одной.

Девичник всё-таки хорошая вещь. Даже слушанье чужой болтовни отодвигает накопившийся негатив на второй план. Альбинка опять переплюнула всех, хвастаясь своим новым богатым ухажёром. Из рассказа чётко вырисовывалось, что Жорик не ботан-романтик, а конкретный бандитос, но Альку не переубедить. Ей всегда нравились крутые и богатые парни. Интеллектуалы не интересовали Альбинку, ей нравилась сила и мощь, набитая деньгами.

Переобувшись, мы вышли на скользкую дорожку. Выбить пару страйков планировала каждая. Игра началась. Мне везло. Каждый шар, пущенный с огромной скоростью, попадал в центр пирамиды. Я набирала очки. А, выбив в конце игры два страйка кряду, заработала лишний удар, вырвалась в лидеры, а потом и в победители. Безалкогольный коктейль, который

оплачивали проигравшие, стал моим. После турнира, ссылаясь на занятость, я отказалась от всех приглашений на уикенд и поведала подругам, что, случайно встретив школьного друга на улице, так была ему рада, что согласилась сходить на романтическое свидание, назначенное на завтра. Чтобы не сглазить, пообещала все подробности рассказать в понедельник, наперёд зная, какое их будет ждать разочарование. Ближе к одиннадцати я с шутками и прибаутками развезла всех по домам и, добравшись, наконец, до дома, рухнула спать. Завтра меня ожидал трудный день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.